

ФИЛОСОФИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Т.Б. Длугач

СПОР О ВОСПИТАНИИ (РУССО, ГЕЛЬВЕЦИЙ)

Аннотация. В статье рассматривается полемика между знаменитыми просветителями Ж.-Ж. Руссо и К.А. Гельвецием по вопросу о воспитании. Как воспитать просвещённого члена общества? Руссо полагает, что воспитание должно вестись индивидуально, оставляя на природе воспитанника и воспитателя. Гельвеций склонен к коллективному воспитанию. Но оба считают нужным вести воспитание в деревне. Руссо отдаёт должное религиозному и достаточно ограниченному воспитанию, Гельвеций настроен против религии и в пользу высокого образования. Особенности в понимании человека Гельвецием приводят его к парадоксам, проанализированным Дени Дидро.

Методом исследования является сравнительный анализ. Сравнение проводится по самым важным вопросам – религиозным, нравственным, административным вплоть до исходных трактовок человека.

Средства воспитания эпохи Просвещения рассматриваются подробно впервые. В качестве главных выделяются религиозные, антирелигиозные, нравственные, образовательные, профессиональные. Впервые рассматривается спор по вопросам воспитания между Руссо и Гельвецием. Внимание уделяется парадоксам мышления, вытекающим из понимания человека Гельвецием. Дается объяснение парадоксам как присущим Просвещению диалектическим противоречиям.

Ключевые слова: влияние, дружба, деревня, общество, образование, нравственность, религия, парадокс, государство, земля, обработка, спор, первый захват, собственность, воспитатель.

Abstract. This article explores the polemic between the renowned enlighteners Jean-Jacques Rousseau and Claude Adrien Helvétius on the question of upbringing. How does one raise an enlightened member of society? Rousseau believes that teaching should be conducted individually, leaving the student and mentor out in the nature. Helvétius leans towards collective education. But both believe that the upbringing should take place in a village. Rousseau supports the religious and fairly limited upbringing, while Helvétius is against religion and in support of higher education. The specificity in Helvétius' understanding of human leads him to paradoxes, analyzed by Denis Diderot. The upbringing means of the Age of Enlightenment are being carefully examined for the first time. The author compares the views of Rousseau and Helvétius on the utmost important factors – religious, anti-religious, moral, educational, and professional. A special attention is given to the paradoxes in thinking that result from Helvétius' understanding of human being. The author provides explanation to the paradoxes as dialectical contradictions intrinsic to Enlightenment.

Key words: Friendship, Village, Society, Education, Morality, Religion, Paradox, State, Educator, Influence.

XVII век дал миру много замечательных умов, внешне объединенных требованиями невидимого колледжа La Republique des Lettres. Декарт, Ньютон, Лейбниц хотели найти основу существования науки и построить на ней всеобщий метод исследования.

В XVIII веке выдающиеся мыслители также хотели отыскать основу, но не науки, а человеческого общежития, которая позволила бы правильно устроить общество. Гольбах, Руссо, Вольтер объединились на базе созданной Дени Дидро Энциклопедии. Она была не просто ответом на различные вопросы науки и искусства; нет, в ней прежде всего звучал голос представителя третьего сосло-

вия, который отказывал в праве на существование духовенству и дворянству и понимал человека как природное существо. Но для того, чтобы все поняли это, надо было **просветить** людей; поэтому XVIII век получил также название Века Просвещения, а его самые умные головы – просветителей. Наиболее важным средством просвещения было признано **воспитание**, и в его разработке главную роль сыграли французские просветители. Этот вопрос и сегодня исключительно важен, поэтому интерес к прошлому заслуживает внимания. Просвещая, просветители Ж.-Ж. Руссо и К.А. Гельвеций представили свои программы воспитания. Неверно было бы думать, что воспитание представля-

лось всем просветителям одинаковым; в споре друг с другом, в поисках наилучших путей выдвигались различные аргументы. Так рождалась гетерономия Просвещения. Одним из интереснейших в этом плане был роман Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» (1762 г.); он стал причиной признания Руссо выдающимся психологом и педагогом. Но с этого романа началась для Руссо и полоса бедствий, его обвинили в атеизме, безнравственности, изгнали из Швейцарии, почетным гражданином которой он стал лишь год назад. Основанием этого стало признание всех людей равными и пропаганда неофициальной, так называемой «естественной» религии.

«Эмиль», в котором описывались все стадии правильного воспитания ребенка, со временем в XVIII–XIX вв. был признан каноном воспитания. Он сильно повлиял на швейцарского воспитателя и психолога И. Песталоцци, на И.В. Гёте с его «Вильгельмом Мейстером», на Л.Н. Толстого, который признавался в согласии с идеями Руссо и писал о том, что ему кажется, будто некоторые страницы «Эмиля» писал он сам.

Руссо выбирает ребенка, дает ему имя Эмиль и помещает вместе с воспитателем в деревенские условия, вдали от города. Это объясняется тем, что Руссо ориентируется на природу, но на природу, незатронутую машинной цивилизацией. Прежний сельскохозяйственный быт – для него идеал. Люди должны жить не в городах «пучинах человеческого рода», где на фабриках и заводах скученность народа, где не хватает свежего воздуха и свободы. Нет, простая сельская жизнь, ловля рыбы в спокойных реках, разведение животных, досуг – вот как должен жить человек. В такие условия помещается Эмиль.

Родители у него есть, но их как бы и нет, так как он вырван из семьи и только с воспитателем помещен в сельские условия, потому что у отца и матери могут быть (и есть) неправильные взгляды на воспитание, и вообще на жизнь, им должен заниматься просвещенный педагог.

Оставляя в стороны младенческие этапы жизни Эмиля, рассмотрим его детство – с 5–6 лет. Жизнь в деревне вынуждает его заниматься сельскохозяйственными работами – он вспахивает грядки, сажает на них разные растения, ухаживает за ними, и это первоначальное воспитание – самый важный урок в жизни человека. Руссо, полагая, что все люди выходят равными из ряда творца, выбирает не гениального или выдающегося чем-либо ребенка, а самого обыкновенного, у которого имеются простые потребности и средства удовлетворить их. Доверие ребенка к воспитателю основывается на авторитете разума, на убеждении в

любви своего руководителя, на преимуществах его знаний. Воспитанник будет делать только то, что для него полезно и хорошо. Понимание пользы и выгоды доступны разуму. Эмиль образовывается путем любви и добра – он не склонен к ссорам, даже собак он не стравливает между собой. Он живет в мире и покое и, хотя не склонен сносить обиды и несправедливости, желает спокойствия и добрых отношений.

В деревне пример воспитателя наиболее ясен, он имеет влияние не своими речами, а примером, действиями. По Руссо, одним из первых свойств является уважение к собственности. Ребенок еще не знает, что такое общественный договор, но на собственном примере он узнает, что такое собственность и право первого захвата. Так, ежедневно Эмиль приходит поливать посаженные им бобы и радуется, что они растут. Он чувствует, что в земле есть частица его самого, его труда. Но в один прекрасный день он видит, что его бобы вырваны, почва взрыта. Слезы текут ручьями, он видит несправедливость по отношению к себе и хочет найти виновника. Но неожиданно огородник, к которому обратились, жалуется горше его: «Как! Это вы вырвали дыни, которым я хотел вас угостить, я посеял их раньше вас!». Из этого опыта Эмиль понимает, что надо сначала узнать, кто первый захватил землю, кто первый вложил в неё свой труд. Так зарождаются нравственные и социальные понятия.

Общение с животными приучает ребенка к заботе о других: он занят своими козами, он готовит им корм, он их выхаживает, кормит, доит – и тем самым как бы добывает себе пищу. Жестокие наказания никогда не следует здесь применять по отношению к ребенку. И не нужно опережать природу и заставлять ребенка делать или понимать то, что выходит за рамки его возраста. Так, нравственные и религиозные оценки нельзя внедрять раньше 12–13 лет.

При обучении, по Руссо, надо выбирать только те предметы, которые могут ребенку пригодиться в жизни, это география, арифметика, история, родной язык. Руссо против изучения иностранных языков, во всяком случае до 12 лет, а против изучения латыни или греческого он возражает категорически. Они – мертвые, они ребенку никогда не пригодятся. Он должен изучать то, что ему полезно, что ему нужно, что приносит пользу.

Эмиль должен кроме того заниматься физическими упражнениями, закалять тело, но прежде всего должен развивать ум, душу.

Уже в первом своем сочинении 1749 г. «Способствовало ли развитие наук и искусств очищению нравов?» Руссо защищал нравственность от

чрезмерных научных и художественных занятий. Простые, необразованные люди, доказывал, чаще, чем образованные, бывают нравственными. Науки и искусства порождают роскошь, леность, убивают воинский дух. Поэтому обучение должно быть ограниченным: ребенок должен уметь писать, читать, считать, умеренно знать географию и историю. Уже в этом первом сочинении Руссо рекомендовал к чтению, кроме Библии, только одну книгу – «Робинзона Крузо».

Почему именно эту книгу выбирает Руссо? – Потому что в ней представлена простая жизнь, жизнь сельского труженика, связанная с землей, неиспорченной машинной цивилизацией. Человек здесь свободен, его не вынуждают собираться в тесные толпы на фабриках и заводах, дышать нечистым воздухом, делать то, что ему не хочется, причем многие часы. Нет, он занят трудом на земле этот труд ему не в тягость, он отдыхает, сидя на берегу спокойной речки и ловя рыбу, дышит свежим воздухом.

Некоторое образование, по мысли Руссо, Эмилю нужно дать, но только самое примитивное – он должен уметь писать (немного), читать, считать, иметь минимальные сведения по географии и литературе. Но все это в таком объеме, чтобы не стать ученым, а оставаться сельским жителем. Фактически перед нами программа общеобразовательной школы в начальной её стадии.

У Эмиля мало познаний, пишет Руссо, но те, которые есть у него, являются поистине его собственными; у него нет полузнаний. Цель воспитания – не знание дать, но научить приобретать его. Эмиль обладает знаниями лишь в сфере естественных и чисто прикладных наук. История ему незнакома даже по имени; он не знает, что такое метафизика и мораль. Ему незнакомы нравственные отношения. Он плохо умеет обобщать знакомится с пространством при помощи геометрических фигур, а с величинами – при помощи алгебры. Но зато он собирает гербарий, что с удовольствием делал сам Руссо. Ребенок трудолюбив, воздержан, терпелив.

В XIX веке критик Просвещения В.В. Розанов сурово оценил воспитательные взгляды Руссо. Он упрекал Руссо в том, что тот заложил основы низшей школы, свободной от всякого творчества, противостоящей античной школе, где учителями были такие мастера, как Платон и Аристотель, где воспитывались собственный ум и дарования.

Розанов был прав, упрекая Руссо, и все же он был неправ, потому что задачей Руссо стало как раз формирование среднего человека, обывателя, точнее – работника XVIII–XIX вв. Развивалось новое капиталистическое производство, и ему нужны

были не таланты, а работники на мануфактурах и фабриках, которые обладали лишь минимальными знаниями. Руссо, как и Дидро, велик тем, что он почувствовал требования новой эпохи и попытался на примере представить формирование нового человека, представителя третьего сословия.

Дело в том, что прежние аристократические школы ушли в прошлое; ушло время учить дворян хорошим манерам, фехтованию, танцам; не надо было вмешиваться в монастырское воспитание священников; надо было лишь улучшить церковно-приходские школы, дать будущему работнику лишь некоторые сведения, которые помогли бы ему существовать в новых условиях и работать там и так, как это нужно обществу. Основы **начальной общеобразовательной** школы были заложены именно Руссо (и Дидро (*Дидро во время пребывания своего в России в 1773 г. предложил Екатерине давать детям до 4 класса бесплатные завтраки, чтобы родители охотнее отпускали их в школу. Это новшество дожило до наших дней.*)). Отсюда нелюбовь Руссо к наукам и искусствам, к книгам; в своем первом сочинении 1749 г. он прямо признавался в том, что ненавидит книги.

Итак, начальное воспитание завершено; когда Эмиль подойдет к 18-ти годам, и ему надо будет выбрать занятие в жизни, воспитатель посоветует ему ремесло; – в первую очередь столярное. Почетнее и важнее, конечно, обработка земли, но она уже вся разобрана, а вот простые ремесла могут дать импульс и к добросовестной работе, и заработок. Это ремесло опрятно, оно приносит удовольствие, здесь наличествует изобретательность, и даже стремление к красоте.

Руссо все время колеблется между запросами будущего и достижениями прошлого: он хочет воспитать работника, и в то же время этот работник будущей мануфактуры должен быть ремесленником. В этом проявилось фундаментальное противоречие Руссо: он нацелен на будущее, осмысливает общественный договор как основу демократического республиканского строя – и одновременно видит в патриархальном прошлом Золотой век, который, к сожалению, нельзя вернуть, но кое-что из которого требуется сохранить. Он пытается примирить противоположности.

Теория воспитания другого известного просветителя – Клода Адриана Гельвеция – во многом противостоит руссоистской. Его книга «О человеке» (1772) представляет собой своеобразную энциклопедию человеческой жизни [1]. (*Вышла в свет при содействии русского посла в Голландии – А. Голицына после смерти Гельвеция. Посвящена Екатерине II, которая тем не менее не разрешила ввести*

её в Россию.) Пережив тяжелые гонения со стороны властей и духовенства после публикации первой книги «Об уме» (1758) и реально опасаясь за свою жизнь, Гельвеций все же сразу принялся писать вторую книгу «О человеке». Идеи воспитания в ней разработаны основательно и интересно, хотя и расходятся нередко с идеями Руссо. Первое различие в том, что Гельвеций признает всех людей не просто равными, как Руссо, но **одинаковыми** от рождения. Различными в умственном отношении их делает воспитание. Видно, какую большую роль придает Гельвеций воспитанию; фактически именно оно формирует человека как особенную личность.

В воспитании главную роль, по Гельвецию, играет **случай**, который трудно заметить, поэтому и кажется, что все таланты, дарования даются от природы. На самом деле, согласно Гельвецию, даже близнецы вырастают неодинаковыми вследствие различия в воспитании: ведь одного воспитатель любит больше, а другого меньше; один ребенок идет на прогулку с осторожной матерью, избегающей опасности, и вырастает осторожным, а другой – с храбрым отцом – и поэтому вырастет бесстрашным. Все определяет случай. Если бы Шекспир, например, убив в королевском парне лань и не убегая от наказания, не пристал к бродячей труппе актеров и вследствие неумения играть не стал бы сочинять пьесы, не было бы великого Шекспира. Как видим, этот пример (как и другие) достаточно натянут, но Гельвецием движет мысль доказать всеисилие воспитания.

Все люди рождаются с одинаковыми потребностями, пишет Гельвеций. Следовательно, совершенно одинаковыми, а различными их делает воспитание вместе со случаем. Это, казалось бы, делает бесполезным воспитание, но автор думает, что, напротив, это налагает на воспитателя большие обязанности.

Гельвеций упрекает Руссо как раз в том, что он то признает различие людей в исходной природной организации, то приписывает различия воспитанию. По Гельвецию, надо следить только за воспитанием, и это требует ответственности от воспитателя, требование приложить все свои силы. Воспитанию придается такая большая роль потому что, как считает Гельвеций, «ум, добродетель, дарования – все это продукт воспитания» [1, с. 12]. Воспитатель и все предметы, окружающие нас, нас воспитывают. Случай, который нельзя предусмотреть и суть которого можно уяснить только после случившегося, определяет все способности человека в целом. Честно говоря, при таком объяснении не очень понятно, почему человек бывает (и дол-

жен быть) добрым – ведь случай может быть совершенно различным и внушать зло, он может свети на-нет все усилия воспитателя. Сам Гельвеций не предполагал таких отрицательных выводов, он как-то об это не задумывался. Но в этом – реальная опасность.

Итак, и Руссо, и Гельвеций придают решающее значение воспитанию, но лишь Гельвеций включает в него случай. Однако то общее, что у них есть, это отлучение воспитанника от родителей – ведь те принадлежат уже прошлому времени и могут внести диссонанс в правильное воспитание. Только философ-просветитель (все передовые мыслители Франции тогда называли себя «философами») знает, как надо воспитывать, начиная с детских лет.

Различие между Руссо и Гельвецием состоит также в том, что для второго предпочтительнее не изолированное состояние воспитанника, а коллективная жизнь. Дети должны собираться в общественные (государственные) школы; их (детей) должно быть много, так как дух соревнования развивает мужество, ловкость, умение. Эти школы также должны находиться за городом – там свежий воздух, там много места для физических упражнений и игр, там нет порочного воздействия города.

Правда, Гельвеций не считает, что – города вообще – пучины порока, как думал Руссо; в них живут разные люди, и только от правительства и общих справедливых законов зависит, чтобы доброты и нравственности стало больше.

По этой причине Гельвеций не может согласиться с Руссо еще по нескольким важным пунктам. Во-первых, в том, что не надо слишком развивать ребенка ум, заставлять его читать книги, заниматься науками и искусствами. Гельвеций принадлежит к тем просветителям, кто верил в научный прогресс и считал, что социальный прогресс развивается вместе с ним. Если Руссо полагал, что дети должны заимствовать свои знания вовсе не из книг, то Гельвеций убежден в обратном. «Но, спрашивается, достигли бы когда-нибудь науки и искусства определенной степени совершенства, если бы не было книг? Почему не изучать геометрию по Эвклиду и Клеро; медицину – по Гиппократу и Бургаву, военное искусство – по Цезарю, Фекье и Монтекулли, гражданское право – по Юму и, наконец, политику и этику – по таким историкам, как Тацит, Юм, Полибий, Макиавелли? Не довольствуясь презрительным отношением к науке, Руссо как будто пытается внушить мысль, что у человека, добродетельного по своей природе, его пороки объясняются знаниями... Но разве науки делают человека порочным? Разве невежда – лучший и мудрейший из людей? Тот род честности, который необходим для

того, чтобы не быть повешенным, требует мало просвещения. Но можно ли сказать то же самое о высшей, утонченной добродетели? Каких только знаний о патриотических обязанностях не предполагает эта добродетель!» [1, с. 281-282].

Почему, задает вопрос Гельвеций, невежественный обыватель должен быть более добродетелен, чем просвещенный житель городов?

Люди повсюду рождаются с одинаковыми потребностями; предположим, что ирокезы или гуроны столь невежественны, как этого хочет Руссо; но надо ли поэтому считать их более счастливыми? Что вообще заставляет Руссо утверждать, что знания портят нравы? Лицемерен ли Руссо в этом вопросе? Хотел ли он быть более красноречивым, чем истинным? – Но ведь невежественный человек подходит для монахов; «своим величием последние обязаны общественному невежеству» [1, с. 286] – «Опыт показывает европейским народам, что гений, просвещение и знания являются истинными источниками их могущества, их благосостояния и добродетеля. Опыт говорит им, что их слабость и несчастья, наоборот, являются всегда результатом несовершенства в управлении и, следовательно, невежества законодателя. Значит, люди никогда не поверят в то, что науки и просвещение действительно вредны» [1, с. 286].

Распространение наук и искусств не губят государство, но иногда они развиваются тогда, когда у народа портятся нравы – но не это причина. Первая причина расцвета наук – это сила страстей. Граждане еще горят желанием прославиться. Вторая причина – заинтересованность государя в прогрессе – он не хочет, чтобы его подданные стыдились своего невежества. – Прямо скажем, что причины не слишком убедительны – «Науки и искусства – слава народа, продолжает Гельвеций; они увеличивают его счастье. Следовательно, только деспотизму... надо вменить в вину упадок государства» [1, с. 290]. И невежество вовсе не спасает народы от изнеженности; кто, если не невежественный и сластолюбивый народ, согласится выносить иго деспотизма? И является ли любовь к удовольствиям, которую осуждал Руссо, пороком? – нет; сама природа влечет человека к удовольствиям, и после труда отдых и удовольствия для гражданина – вполне заслуженные занятия. И, как награда, роскошь, данная науками и искусствами, бывает полезна также.

Из этого первого заключения о науках и искусствах в понимании Гельвеция вытекает второе: будущее ребенка заключено вовсе не ремеслах. В отличие от Эмиля, который становится столяром, идеал другого философа – ученый, образованный

человек. Государь не может быть невежественным, его просвещенность служит источником справедливых законов; государственные деятели должны быть умны и просвещены. Ученые изобретают полезные вещи, а художники украшают жизнь человека, вовсе не похожую на жизнь животных.

Итак, государство ценится умными и просвещенными людьми. Но что более всего заставляет Гельвеция выступить с возражениями Руссо, это отношение к религии.

Как известно, Руссо был верующим человеком; он искренне и глубоко верил в Бога. Несмотря на то, что дважды переходил – из протестантизма в католичество и обратно – он никогда, по его словам, не переставал чувствовать себя звеном в цепи, созданной Творцом. Всю четвертую книгу в «Эмиле» Руссо посвятил обоснованию религиозных заветов и совести. Правда, для Руссо это не официальная, а своеобразная, так называемая «естественная» религия, за что в частности, он и подвергся изгнанию и преследованиям (судьба, сходная с судьбой Л.Н. Толстого).

Природа для Руссо – основа человеческой жизни; простая, «естественная» религия – также основа и жизни человека, и его нравственности. Только из книги природы, думает Руссо, можно научиться служить и поклоняться своему создателю; даже если бы я родился на необитаемом острове, я познал бы Бога, потому что вера дана в сердце, – пишет он. Религиозные принципы с рождения начертаны в сердце человека. Нельзя не видеть, что мир управляется могущественною и мудрою волею; это видно или, скорее, чувствуется, «Существо, каково бы, оно ни было, которое двигает Вселенную и дает всему порядок, Руссо и называет Богом» [2, с. 213]. Именно с этим именем он связывает разумение, могущество, волю, а также благо. Слишком глубоко погружаться в природу Бога, согласно Руссо, нельзя, человеку недоступны высшие силы.

Человек, гораздо выше всех животных, и надо радоваться, что он занимает такой высокий пост и благодарить за это творца, который создал людей таким вовсе не из уважения к их заслугам.

Одна из причин веры – признание активности. Ясно, что именно Бог дает движение; материя не движется. И все движения различных существ и веществ подчинены целому; здесь не хаос, а гармония. Но для того, чтобы вывести гармонию из слепого механизма, т. е. предположить, что движения сами по себе объединяются в целое, нужно множество нелепых предположений, думает Руссо. Насколько проще и понятней предположить существование разумного существа, устанавливающего порядок. Трудно верить, что пассивная и мертвая

материя могла произвести живые и чувствующие существа, чтобы слепая случайность могла произвести разумные существа, чтобы немыслимое могло произвести существа, одаренные мышлением. Нет, мир управляется могущественной и мудрой волей. – Но Руссо признается, что, скорее, **чувствует** это, нежели может доказать. – Целое едино и возвещает о едином разуме. Он и есть Бог, хотя вовсе незачем рассуждать о его природе. Ни одно материальное существо не бывает самостоятельно активным, а человек активен, следовательно, причина его действий заключена не в материи, не в материальном теле. Но эта причина должна быть разумной, следует думать о высшем разуме, ибо предполагать бесконечную цепь причин, значит не предполагать ничего, говорит Руссо. Руссо признается, что видит творца повсюду – в его творениях, в природных созданиях и живых существах все они целесообразно устроены. Откуда же берется в человеческой жизни зло, если Бог наделил человека разумом, и не только разумом, а и нравственными идеями? – Это происходит потому, что люди неверно понимают свои желания.

Роптать на то, что Бог не мешает человеку совершать зло – это значит роптать на то, что творец наделил его свободной волей. Ведь не следовало ограничить его инстинктом и сделать животным; непонятно, правда, почему злая свободная воля побеждает в жизни добрую и почему невинные – даже дети должны страдать из-за злых. Но Руссо утверждает, что раз Бог всемогущ, то он должен быть справедливым и утвердить справедливость. Почему же это не так? Почему справедливый оказывается угнетенным? Именно тогда сознание ропщет на Бога. Хотя тут же надо вспомнить, что «порядок восстанавливается во всем после смерти» [2, с. 218]. Душа после смерти сохраняется, и в этом ином мире воцаряется благодать и справедливость.

Здесь, на земле, тысяча пылких страстей обманывает человека, на земле благие люди страдают. Но земной мир – только один из миров, и не лучший. Будут ли вечны мучения злых, этого Руссо не знает, так же, как не знает, каковы будут радости достойных. Продолжать верить его заставляет признание того, что несправедливость людей – это их дело, а не дело Бога. В «Исповедании веры савайского викария» (истории, как один священник пришел к Богу) Руссо говорит, что человек совершает зло по своему выбору, подчиняясь неизменному влиянию страстей, но тем не менее, совершаемое зло ничего не нарушает в системе мира, не мешая роду людскому сохраняться наперекор себе. Злоупотребление нашими пороками – вот что делает нас несчастными и злыми. «Человек! Не ищи

иного виновника зла; этот виновник – ты сам. Не существует иного зла, кроме того, которое ты совершаешь или терпишь...» [2, с. 217].

Признав, что человек состоит из двух половин – души и тела, Руссо полагает, что в течение своей жизни человек живет лишь наполовину и что жизнь души начинается лишь по смерти тела. Тут можно задать вопрос: а в земной жизни душа не участвует? На этот вопрос Руссо не отвечает. Хотя он и признается, что не знает в точности, какова эта будущая жизнь души – кроме созерцания Высшего существа, – можно предположить, что душа будет занята сравнением того, что сделано нами, с тем, что мы должны были сделать! – Но какой тогда в этом прок? Даже если одни люди получают чистое наслаждение от того, что они сделали, а другие – горькие сожаления, – должны ли закончиться страдания злых за гробом? Это неизвестно, но это не затемняет нашу веру в Бога. Таково кредо Руссо – Веруй!

В этом вопросе Гельвеций противостоит Руссо: он написал, подобно Гольбаху, антирелигиозных памфлетов и не выступил, подобно Руссо, с пропагандой религии; его направленность против неё, это, скорее, направленность против священнослужителей. Вера в Бога, думает Гельвеций, основывается на неправильном воспитании, мешающем понять, что человек – продукт **одной лишь** природы, которая существует вечно и никем не создана. «Власть священников зависит от суеверий, и им вовсе не надо, чтобы народ был просвещенным. Духовенство основывает свою власть на устранении человеческих страстей, благодаря которым развиваются науки, искусства, воинская доблесть» [1, с. 579]. Но Заря разума начинает заниматься; люди уже признают необходимость страстей; уничтожая желания, уничтожают души.

Попы же (одно это название уже говорит о неприязни Гельвеция к духовенству) говорят о земной жизни как о кратком путешествии, как о равнодушии людей к собственному счастью. Еще более резки слова: «Духовенство это сообщество, которое обладает исключительной привилегией захватывать богатства при помощи обольщения» [1, с. 579].

Руссо убежден в том, что как ни много злых людей на земле, немного есть таких душ, в которых погасли справедливость и благо; и самые испорченные злодеи не могут побороть чувства жалости и любви к другому. Есть в глубине души врожденные начала справедливости и добродетели, в силу которых, вопреки нашим собственным правилам, мы признаем свои поступки и поступки другого или хорошими, или дурными; это именно начало я называю совестью» [2, с. 224].

Нам говорят, пишет Руссо, что каждый содействует общему благу только из-за своего интереса (это Гельвеций подчинял жизнь каждого интересу как материальной выгоде), но откуда происходит то, что справедливый нередко содействует ему в ущерб себе? – Так велит ему совесть.

Но по сути дела у Руссо нет убеждения во врожденности чувств блага и справедливости, кроме благих примеров. Однако дурных гораздо больше, и трудно сказать, что в конечном счете побеждает – добро или зло? Фактически только надеждой на будущую абсолютно справедливую жизнь можно оправдать сегодняшние злодеяния. А это обязательно предполагает веру в Бога как и гарантию справедливого мира. Так, если я делаю добро без свидетелей в этой жизни я знаю, что его видят (Бог); я заручаюсь им для будущей жизни. Но не похоже ли это на индульгенцию? Скорее всего, вера в Бога приходит к Руссо именно таким путем.

Руссо думает, что можно устранить злые привычки и преступные желания – если воспитывать с детства правильно и настойчиво. Любовь к Творцу, преклонение перед ним не позволяет просить у Него того, чтобы он совершал чудеса в угоду мне. Надо просить только исправления моих заблуждений и прегрешений.

Это и есть естественная религия, и странно, что людям нужна какая-то еще: я служу Богу, восклицает философ, согласно тому свету, которым он озарил мой разум, согласно чувствам, которые он внушил моему сердцу. Если бы люди слушали голос Бога в сердце своем, то никогда не было бы больше одной религии. Для Руссо религия тесно связана с нравственностью, собственно, она и дает нравственные принципы, потому что Бог – существо всеблагое, ибо оно всемогущее. «Справедливость неразлучна с благостью, а благость есть необходимое следствие безграничного могущества. Правда, нравственность – продукт не официальной, а «естественной» религии, не требующей строгого исполнения догматов, а начертанная в сердце. «Могу ли я извлечь из какого-либо общепринятого учения чистоту морали и догматы, полезные для человека и почетные для его Творца, которые за неимением такой доктрины я не мог бы извлечь из свойств собственной моей натуры при хорошем их применении?» [2, с. 229]. Не надо смешивать религиозную церемонию с самой религией; Богу нужен культ, исповедуемый сердцем. И все догматы ясно выражены в Нагорной проповеди.

Да, конечно, многие церковники искажают Божественное учение; множество противоречий есть в истолкованиях, но Руссо ориентируется не на это. Если сравнить все книги с Евангелием, то чувству-

ешь, как считает Руссо их недостаточность; какая же чистота в Его нравах! Не у народа Иисус заимствовал чистую и возвышенную мораль, примеры которой он один давал! – Он заимствовал их из предписаний своего Отца и вкладывал в сердце человека. Религиозные догматы это синонимы нравственных принципов; для Гельвеция это очень сомнительно. Рассматривая историю различных религий, он приходит к выводу, что у неё должно было быть лишь одно предназначение: служить отечеству своими талантами, мужеством, честностью, но, к сожалению, это далеко не так. Каким же образом можно изменить общепринятые взгляды на религию, уповающую на иной мир? – Только тогда священник станет служителем нравственности, когда сенат будет предлагать народу нравственные решения. «Только от законодательного корпуса можно ожидать благотворной религии, которая, недорого стоя (обратим на это внимание! – Т.Д.) и проявляя терпимость, сообщала бы о божестве лишь великие и благородные идеи, зажигала бы в душах лишь любовь к талантам и добродетелям» [1, с. 54-55]. Здоровые идеи о добродетели появятся тогда, пишет он, когда религиозная система соединится с системой блага нации, когда религия будет поставлена на службу государству.

Мы видим, продолжает философ, что главным делом религии должно быть воспитание добродетели, а она заключается в служении государству, всем его гражданам. Но для этого необходима терпимость, которую религия никак не воспитывает, между тем как одно из главных нравственных чувств в человеке – это терпимость; нужно, чтобы и религия была кроткой, гуманной и терпимой.

Многие страницы в книге «О человеке» посвящены критике религиозного фанатизма, разбору того, как повредили прогрессу человечества жестокие дела инквизиции, казнь великих людей. Пока не удастся произвести в религиях изменения, у людей сохранятся лишь смутные представления о нравственности, убежден наш философ.

Почему большинство просвещенных людей считает, что всякая религия несовместима со здоровой нравственностью? – Потому что попы всех религий выдают себя за единственных судей добродетельности или порочности человеческих поступков; но попы тоже люди, они судят в соответствии со своим интересом, а он почти всегда противоречит общественному интересу. Поэтому их рассуждения чаще относятся к софизмам, чем к здоровым правилам морали. «Чтобы религия была хороша, она должна недорого стоить и отличаться терпимостью. Её духовенство не должно иметь никакой власти над гражданами. Страх перед попами

унижает ум и душу, доводит ум до отупения, душу до низости... Можно ли игнорировать злодеяния, совершенные ими (попами – Т.Д.), благодаря их нетерпимости? Сколько крови было из-за неё пролито! Земля все еще пропитана ею» [1, с. 49].

Гельвеций останавливается не только на фанатизме, но и на продажности и невежестве священнослужителей. Нет такой лжи, таких хитростей, такого обмана, злоупотребления доверием, наконец, подлых и низких средств, к которым ни прибегали бы для своего обогащения попы. Им платят десятину, но и помимо неё они из всего стремятся ИЗВЛЕЧЬ ВЫГОДУ. Целью религии должно быть всеобщее благо; единственное средство сделать людей счастливыми, это обеспечить им при помощи хороших законов собственность, пробудить их предприимчивость, позволить свободно мыслить и сообщать свои мысли друг другу. Хороший пример, согласно Гельвецию, подает Пенсильвания: в ней нет государственной религии, каждый придерживается той, которая ему нравится; она ничего не стоит государству, и священники содержатся за счет нуждающегося в них. «Попы препятствуют нравственному воспитанию» [1, с. 49].

В конце концов философ приходит к выводу, что если и должна существовать религия, то она должна быть «универсальной», т. е. основываться на таких непреложных истинах, как геометрические аксиомы, что будет олицетворением **здраво-го смысла**. Зло, причиняемое религиями, реально, а добро иллюзорно. Религиозные предписания противоречат естественным законам и, следовательно, общественному благу. В конце концов провозглашается требование: «Нужно заменить всякую религию деизмом». Фактически это шаг в сторону атеизма.

Все упомянутые разногласия вытекают из исходного понимания человека, которое существенно различно у Руссо и Гельвеция. Правда, общим местом является то, что оба они считали человека природным существом; но у Руссо сама природа – продукт творения. Поэтому человек и природное существо, и сотворенное по образу и подобию Бога создание. Человека Руссо признает поэтому двойственным: с одной стороны, он наделен телом и всеми чувственными свойствами, и самое главное из них – любовь к себе, стремление к самосохранению. Но с другой стороны – человек должен любить других людей, они ведь тоже созданы Творцом. Каждый чувствует не только любовь к себе, но любовь к другим, жалость, сострадание, милосердие.

Надо в этой связи обратить внимание на то, что Руссо единственный из просветителей вклю-

чил в понимание человека не только физиологические ощущения, но **чувства**. И он единственный защищал не эгоизм и не разумный эгоизм, а альтруизм. Человек, конечно, любит самого себя, но из любви к другим, из жалости к ним он может даже поступиться себялюбием, пожертвовать своими интересами, а иногда даже и жизнью. Такое понимание как бы совершенно выводит Руссо из клана просветителей, как некоторые и считают, но это не так: он, как и все другие, апеллирует к природе, он, как и другие, надеется на воспитание, хотя природа для него – это простая, не тронутая цивилизацией, природа, а воспитание соответствует ей.

Вторая важная опора человека – не на себя, а на других: человечность – его долг.

Естественное, первобытное состояние – золотой век человечества; к нему нельзя вернуться, но нужно, насколько это возможно, сохранить его лучшие черты, и это – естественность и человечность. Человек должен объявить себя покровителем несчастных, творить не одну милостыню, а дело любви, быть справедливым, человечным. – Любите других, и они будут любить вас.

Любовь к самому себе – всегда в согласии с природой вещей; для самосохранения нужно, чтобы мы любили себя более всего. Но второе – любовь к тем, кто его окружает – сначала потому, что он зависит от них; потом – просто потому, что они – люди.

Мы привязываемся к другим людям потому, что мы слабы и хотим помощи. Но не только поэтому. Мы привязываемся к другим главным образом потому, что чувствуем их страдания, так как мы видим тождество их природы к своей и ставим себя на место других. Кому не жаль несчастного, который страдает? **Жалость** сладка, потому что воображение ставит нас на его место, и мы хотим освобождения от горести. «От природы люди не бывают ни королями, ни вельможами, ни придворными, ни богачами, все родились нагими и бедняками, все подвержены бедствиям жизни, огорчениям, болезням, нуждам, всякого рода страданиям, всем, наконец, суждено умереть» [2, с. 165-166], вот источник любви Руссо к людям, и это то, за что его подвергли преследованиям.

Первым чувством к людям становится жалость; ребенок начинает ставить себя на место других и чувствовать, как они страдают; по мнению просветителя, человеку свойственно скорее ставить себя на место тех, кто страдает, чем на место тех, кто счастлив – потому, что к счастливым мы чувствуем зависть, а это плохое чувство. Человеку с детских лет должно быть понятно, что судьба других может быть его судьбой.

Надо любить всех людей, даже тех, кого презирают. И в то же время не одна жалость человека заполняет. Человек чувствует в себе деятельную силу, которая может помочь несчастным. Но по настоящему нравственные чувства появляются у каждого, согласно Руссо, тогда, когда он начинает верить в Бога. Такие идеи даются каждому довольно поздно – позже 15 лет, но зато они пронизывают все его существо.

Вместе с нравственностью начинает творить свободная воля, а отсюда вытекает понимание того, что винить за зло надо не провидение, а самого человека. Провидение не желает зла, которое совершает человек, злоупотребляя своей свободой; провидение не мешает ему совершать зло, потому ли что зло это, со стороны существа, столь слабого, совершенно ничтожно в Его глазах, или потому, что, препятствуя злу, оно стесняло бы его свободу и, унижая его природу, произвело бы больше зла. Бог создал человека для того, чтобы он совершал не зло, а добро по выбору. «Человек! – восклицает Руссо – не ищи иного виновника зла; этот виновник – ты сам» [2, с. 217]. Не только жалость, но вообще сопереживание присуще человеку, всё, говорят, безразлично нам, кроме нашего интереса. Но совершенно наоборот: сладость дружбы, человеколюбия утешает нас в наших скорбях, и даже в своих удовольствиях мы были бы слишком одиноки, если бы нам не с кем было их разделять.

Атеизм не эффективен; если он и не ведет к пролитию крови, то это не столько вследствие миролюбия, сколько вследствие равнодушия к благу. Принципы его сторонников не ведут к убийству, но они мешают благу рождаться, разрушают нравы.

Все сказанное Руссо – то, что называют естественной религией; да и нужна ли людям какая-то другая религия, спрашивает он, если с её догматами согласны разум и чувства, если из такой веры вытекают нравственность и любовь к другим? Не требуется никаких чудес, ничего, что противостояло бы разуму; не требуется никаких священных книг, так как многие написаны на тех языках, которых не знают другие, да и писавшие их авторы, могут заблуждаться.

Тема воспитания актуальна и в наши дни. Психологи и педагог бьются над задачей воспитания из ребенка доброго, честного и культурного человека. До сих пор обсуждается вопрос: талант, дарования, другие человеческие качества – даны ли они от природы или являются продуктом воспитания? Поэтому обращение к идеям известных мыслителей прошлого помогает решить сегодняшние задачи. Диалог прошлого и настоящего задает импульс нынешним творческим усилиям. История

философии в этом смысле порождает не только теоретический интерес, но и становится программой практических действий.

Понимание человека в целом Гельвецием существенно отличается от руссоистского. Для него человек – только природное существо; причем природа понимается только как **физическая чувствительность**. В соответствии с этим у человека два важнейших источника его жизни: физическое удовольствие и физическое страдание. К первому он стремится, от второго хочет избавиться. И это никакие не чувства, это – ощущения.

Никакой двойственности в человеке также нет; он подчиняется только собственным индивидуальным ощущениям, поэтому главный его инстинкт – себялюбие.

Из такого понимания вытекает много странных следствий, которые соратник Гельвеция знаменитый энциклопедист Дени Дидро называл парадоксами. Один из них такой: только личный интерес, который сводится к материальному интересу, заставляет людей трудиться. Если бы человеку все было дано само собой, он не стал бы работать. «Ремесленник и крестьянин размышляют, воображают, трудятся для того, чтобы одеться, чтобы нарядить свою любовницу или свою жену, доставить им развлечения, прокормить себя и свою семью, наконец, испытывать наслаждение, связанные с удовлетворением физической чувствительности. Следовательно, физическая чувствительность есть единственный двигатель человека...» [1, с. 86].

Тут вмешивается Дидро и говорит: это не совсем верно по отношению к ремесленнику и пахарю и совсем неверно по отношению к Лейбницу. Предложите Лейбницу, который провел 30 лет в халате за написанием своих книг, самых красивых женщин, самые изысканные яства, чтобы он бросил в огонь свой труд о предустановленной гармонии в огонь, и вы увидите, что он с негодованием откажется. Человек трудится не ради денег или даже славы, он трудится потому, что так повелевает ему его внутренний голос.

Другой парадокс Гельвеция в том, что он считает нравственность химерой. Нравственные поступки человек совершает тогда, когда ему это выгодно; причем под выгодой Гельвеций понимает именно удовлетворение материального интереса. Если же это невыгодно, то никакие угрызения совести его не тревожат. «Если человек лишен страха (перед наказанием – Т.Д.), если он стоит выше законов, то он совершает без раскаяния бесчестный, но выгодный для него поступок... Опыт показывает, что всякий поступок, не влекущий для нас наказания по закону и не наказываемый бесчестием;

совершается вообще без угрызений совести» [1, с. 88-89]. Таким образом, угрызения совести обязаны своим существованием страху наказания или же стыду, который можно всегда, как я уже сказал, свести к физическому страданию» [1, с. 89]. И здесь Дидро вновь говорит свое слово: нравственность существует в чистом виде, и я часто готов предпочесть приступ подагры малейшему призрению к самому себе. Ещё сомнение в словах о дружбе.

Если имеем в виду дружбу, то дружба тоже, согласно Гельвецию, сводится к физическим удовольствиям или к физической выгоде. Так, если друг умирает, то «я оплакиваю в нем того, кто рискнул бы своей жизнью и состоянием, чтобы спасти меня от смерти и от страданий, и кто, занятый непрерывно мыслью о моем счастье, желал бы бесконечно продлить его при помощи всяких удовольствий. Если друг богат, он жертвует нам своим состоянием; если он беден, мы ждем от него действий нам в помощь, советов и пр.

Отвечает Гельвецию на это уже Вольтер: «Книга произвела на меня самое приятное впечатление. Рассудительность, талант, логика, эрудиция, красноречие – серьезное и веселое – сверкают там, изобилуют, торжествуют... Тем не менее я хотел бы сделать Вам несколько упреков, но самый чувствительный упрек, который, несомненно, Вам уже сделали, – это упрек в том, что Вы поместили дружбу среди дурных страстей... Я огорчен этим больше, чем какой-нибудь другой Вашей ошибкой: дружба сопровождала меня до подножия Альп, составляет все мое счастье, и я страстно желаю, чтобы она составляла и Ваше счастье. Признаюсь Вам, что такая книга, как Ваша, вызывает к ней отвращение» [1, с. 88-89]. – На что Гельвеций ему тотчас же бы ответил, что дружба – не плохое чувство; просто она так же зависит от физического удовольствия, как все другие отношения. Такова природа, сведенная к ее собственной сущности, заключил бы он.

И узы, связывающие детей с отцами, менее крепкие, чем думают; и в стремлении к власти заложено стремление найти с её помощью больше физических удовольствий.

Почему же Дидро называет такие рассуждения парадоксами? – потому что одновременно Гельвеций воспекает подвиг «мужественных душ», утверждающих добродетель, потому что он говорит о человеке как о деятельном, созидающем существе. «Когда у людей будут здравые идеи о добродетели? Когда религиозная система соединится с системой блага нации...» [1, с. 42]. Он пишет, далее, о том, что смутные идеи о добродетели имеют своей причиной лишь плохое воспитание; он говорит о том, что «справедливость охраняет жизнь и свободу граж-

дан [1, с. 195]; он говорит о том, что счастье всего общества – цель существования человечества. Он считает терпимость естественным законом и полагает, что науку о нравственности надо изучать в сердце человека; чем меньше просвещения, тем эгоистичнее становятся люди. Он говорит, далее, об общественном благе как цели правителей, о том, что «если общественное благо является целью нравственности, то предписания её, основывающиеся на принципах, столь же достоверных, как принципы геометрии, подобно положениям этой последней науки, доступны самым строгим доказательствам» [1, с. 171]. И можно ли основать нравственность на иных принципах, кроме принципа общественной пользы? – «Общественное благо – верховный закон и первая обязанность граждан» [1, с. 433].

При этом стремление к общему благу, к счастью всего человечества не вытекает лишь из разумного эгоизма; нет, это желание всякого просвещенного человека.

Тезис о преимуществах существования отдельного индивида и его интереса, таким образом, закрывается требованиями общего блага, которые присущи новым философам, просветителям, и парадоксы – противоречия между частным и общим становятся не видны. Они видны только одному человеку – Дидро, – делающему своей целью изучение способа мышления своих друзей и именно поэтому обнаруживающему их противоречия – парадоксы. Как раз эти парадоксы он сделал предметом внимания в своем знаменитом диалоге «племянник Рамо». Бальзак как-то заметил, что Дидро вывел в «Племяннике Рамо» настолько отвратительного героя, что не решился опубликовать этот философский роман.. Скорее всего, дело было в другом: Дидро опасался, как бы Гольбах или Гельвеций не услышали в речах Рамо свой собственный голос, ибо парадоксы были свойственны именно им. Дидро, хотя и увидел их, не мог понять, почему они есть, почему все рассуждения его друзей пронизаны противоречиями и избавиться от них нельзя. А объяснение содержалось в том, что у просветителей был не один, а два полюса, вокруг которых строились их идеи. Один – индивид, природный индивид, который, поскольку в нем все – от природы – исходен, а другие люди – лишь дополнение; но в то же время – воспитание необходимый полюс просветительского интереса, а за ним скрываются социум, сообщество граждан, частью которых является отдельный человек. Если слишком абсолютизировать один из полюсов, то и получится парадокс, как это и получилось и Гельвеция с увеличением принципа природной индивидуальности человека.

Нельзя сказать, кто прав в споре о воспитании- Руссо или Гельвеций; каждый вносит какую-нибудь важную деталь в концепцию воспитания, благодаря чему складывается целостная программа и целостное понимание человека в

просвещении. Обе теории интересны для нас, наш спор с каждым мыслителем позволяет отыскать слабые моменты в сегодняшней трактовке человека и его жизни и найти наиболее плодотворные решения.

Список литературы:

1. Гельвеций К.А. Соч.: в 2 т. Т. 2. О человеке / Сост., общ. ред. Х.Н. Момджяна. М.: Мысль, 1974. 687 с.
2. Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. Т. 1. Эмиль, или О воспитании / Сост. А.Н. Джуринский, ред. Г.Н. Джибладзе. М.: Педагогика, 1981. 656 с.
3. Верцман И.Е. Жан-Жак Руссо. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Художественная литература, 1976. 310 с.
4. История Франции: в 3 т. / Ред. А.З. Манфреда. М.: Наука, 1972-1973. Т. 1 – 359 с.; Т. 2 – 663 с.; Т. 3 – 599 с.
5. Деборин А.М. Очерки по истории материализма XVII-XVIII вв. От Фрэнсиса Бекона до Дени Дидро. 4-е изд. М.: Libroком, 2012. 304 с.
6. Лансон Г. История французской литературы. Современная эпоха. М.: Изд-во Ю.И. Лепковскаго, 1909. 258 с.
7. Радлов Э.Л. К. Гельвеций и его влияние в России. Пг., 1917. 28 с. (2-е изд. М.: Лань, 2013. 24 с.).
8. Мапельман В.М. Историко-философский подход к гуманной педагогике (достижения, утопии, иллюзии) // Педагогика и просвещение. 2011. № 3. С. 28-36.

References (transliterated):

1. Gel'vetsii K.A. Soch.: v 2 t. T. 2. O cheloveke / Sost., obshch. red. Kh.N. Momdzhiana. M.: Mysl', 1974. 687 s.
2. Russo Zh.-Zh. Pedagogicheskie sochineniya: v 2 t. T. 1. Emil', ili O vospitanii / Sost. A.N. Dzhurinskii, red. G.N. Dzhibladze. M.: Pedagogika, 1981. 656 s.
3. Vertsman I.E. Zhan-Zhak Russo. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Khudozhestvennaya literatura, 1976. 310 s.
4. Istoriya Frantsii: v 3 t. / Red. A.Z. Manfreda. M.: Nauka, 1972-1973. T. 1 – 359 s.; T. 2 – 663 s.; T. 3 – 599 s.
5. Deborin A.M. Ocherki po istorii materializma XVII-XVIII vv. Ot Frensisia Bekona do Deni Didro. 4-e izd. M.: Librokom, 2012. 304 s.
6. Lanson G. Istoriya frantsuzskoi literatury. Sovremennaya epokha. M.: Izd-vo Yu.I. Lepkovskago, 1909. 258 s.
7. Radlov E.L. K. Gel'vetsii i ego vliyanie v Rossii. Pg., 1917. 28 s. (2-e izd. M.: Lan', 2013. 24 s.).
8. Mapel'man V.M. Istoriko-filosofskii podkhod k gumannoi pedagogike (dostizheniya, utopii, illyuzii) // Pedagogika i prosveshchenie. 2011. № 3. S. 28-36.